

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Кучерова Анастасия Валерьевна

**Психопатия как предмет литературно-философской рефлексии
в культуре второй половины XX века**

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени

кандидата философских наук

Москва – 2022

Диссертация выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова» на кафедре истории и теории мировой культуры философского факультета.

Научный руководитель: **СЕДЫХ Оксана Михайловна,**
кандидат философских наук

Официальные оппоненты: **ПАВЛОВ Александр Владимирович,**
доктор философских наук,
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
профессор Школы философии и культурологии
факультета гуманитарных наук

КОСИЛОВА Елена Владимировна,
доктор философских наук,
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова», доцент
кафедры онтологии и теории познания
философского факультета

ПАТРОННИКОВА Юлия Сергеевна,
кандидат философских наук,
ФГБУН Институт мировой литературы им. А.М.
Горького Российской академии наук, старший
научный сотрудник отдела классических
литератур Запада и сравнительного
литературоведения.

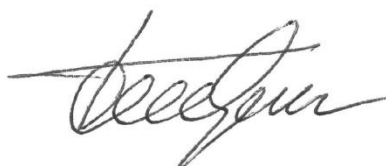
Защита диссертации состоится «13» февраля 2022 года в 15:00 на заседании диссертационного совета МГУ.057.2 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4 (учебно-научный корпус «Шуваловский»), философский факультет, аудитория А – 518 (Зал заседаний Ученого совета факультета).

E-mail: diss@philos.msu.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В.Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/501409244/>.

Автореферат разослан «___» _____ 202__ года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук

А.П. Беседин

1. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования

Попытка определить человека – универсальный философский мотив, чрезвычайно актуальный сегодня: тенденция натурализации индивида и сведения его к набору биологических детерминант, лишение его субъектности, развитие технологий, трансформирующих традиционную антропологическую модель, - делают важным детальное рассмотрение всех граней и потенциалов человеческого существа. Одной из активно исследуемых проблем является человеческая деструктивность, выяснение причин злого поведения, способов его коррекции. Феноменом, концентрирующим различные векторы антропологического рассмотрения, является психопатия.

Актуальность обращения к проблеме психопатии связана, во-первых, с тем, что наиболее полно с научной точки зрения она была описана лишь в последней четверти XX века - речь идет о недавнем конструкте, и стоящая за ним реальность сегодня активно исследуется медициной и психиатрией. Однако за пределами специализированого естественнонаучного дискурса феномен психопатии не является достаточно понимаемым. Вопреки распространенному мнению, психопатия – не вид психического отклонения, а особый тип личности с набором биологически обусловленных черт, которые определяют поведение психопатической личности, формируя ее неэмпатийность, эгоизм, умелую социальную мимикрию. При этом психопаты своеобразно выходят за границы традиционной человеческой органики, отличаясь стрессоустойчивостью, особой целеустремленностью, быстротой реакции, что порождает вариант адаптационного прочтения психопатии, примечательный в связи с происходящими технологическими и мировоззренческими изменениями, которые, как показано в предлагаемом исследовании, актуализируют психопатические качества. Во-вторых, широкий анализ психопатии в рамках гуманитарных дисциплин вообще не был предпринят: обращение к ней ограничивается дискуссиями о свободе воли; слабо разработана история становления концепта; не проанализирована роль психопатических личностей в

социуме, в т.ч. в связи с конкретными историческими реалиями. Между тем представляется, что психопатическая стратегия поведения может рассматриваться как важная характеристика общества (в особенности современного), способная выявить его актуальные установки, предложить модель дальнейшего развития и обозначить новые ракурсы рассмотрения человека.

Степень разработанности темы

Работа предполагает рассмотрение психопатии как научного концепта, как предмета изображения художественной литературы, анализ представленности психопатии в философской рефлексии второй пол. XX в., обращение к психопатии как особому феномену современной культуры.

1) Разработка концепта психопатии в отечественной и западной науке. Исследование психопатии в российской науке сосредоточено на изучении психопатий как болезненных динамических состояний. Рассмотрения психопатии в этом ракурсе многочисленны, невозможно привести всех авторов, обращавшихся к данной теме (среди них – Б.П. Ганнушкин, В.Я. Гиндикин, В.А. Гурьева, А.Б. Смулевич, В.В. Гульдман, Б.В. Шостакович, Н.И. Фелинская, Т.П. Печерникова, В.В. Горинов, И.А. Кудрявцев и др.). Становление учения о психопатиях фиксируют исторические обзоры – работы В.М. Лыткина, С.А. Зуна, Е.С. Курасова, А.Н. Ятманова, Ю.А. Атаджыковой и С.Н. Ениколопова, Ю.А. Александровского и С.Н. Мосолова, Ю.Н. Шувалова, Д.Д. Фетодова, И. Дацковского, И.В. Горшкова и В.В. Горинова и др. Несмотря на несомненную полезность, эти работы по-разному раскрывают этапы развития концепта и не представляют полноценных монографий, целиком посвященных воспроизведению этой обширной темы. Поэтому для изучения феномена психопатии полезны немногочисленные статьи об отдельных фигурах ученых, развивавших учение о психопатии - работы Д.С. Озерецковского, Л.Л. Рохлина, особенно – Н.Ю. Пятницкого. Указанные работы демонстрируют, что рассматриваемые в них авторы склонялись к описанию психопатических личностей как индивидов, тяготеющих к развитию какой-либо другой

психической патологии. Необходимость отличить психопатию от иных состояний, выявить ее конкретную трактовку, делает неизбежным рассмотрение психопатии на основе данных западной науки. Наряду с общими историческими обзорами изучения психопатии (напр., у Д.У. Блэка, П. Хоффа и П. Камениша, Н. Бузиной, Дж.Р. Герли и др.), наиболее важными для исследования явились англоязычные статьи, устанавливающие различные аспекты современного понимания психопатии как конкретного типа личности.

Многочисленные естественнонаучные исследования фиксируют особенности физиологии психопатов: подробно изучен их мозг, психопатическая агрессия с биологических и социальных точек зрения, варианты коррекции антисоциального поведения и т.д. Основу данного направления исследований заложили Х.М. Клекли, Р.Д. Хаэр, К. Кил. Статьи, подробно рассматривающие указанные аспекты, столь многочисленны, что не представляется возможным их перечислить (они широко представлены в базе National Library of Medicine). Именно рассмотрение психопатии исходя из современных естественнонаучных данных, составляет новизну и важную сторону настоящей работы, равно как их введение в поле гуманитарного анализа, что сегодня в российских исследованиях в рамках теории и философии культуры практически не распространено, и данной теме лишь предстоит развиваться.

Социальный анализ психопатии представлен у Р.Д. Хаэра, П. Бабиака, Н. Мак-Вильямс, К.А. Кила, Ф. Коукулика, К. Даттона, М. Стаут. Однако положения этих работ в значительной степени дискретны и субъективны. Так, М. Стаут скорее склоняется к констатации опасного и неприятного для окружающих содержания психопатии, в то время как Ф. Коукулик и К. Даттон подчеркивают ее адаптивное значение, полезность психопатов для общества ввиду их особых качеств (работоспособности, сосредоточенности на цели, самостоятельности мышления). Работы отечественных ученых Ю.А. Александровского, В.А. Гурьевой, В.Я. Гиндикина, А.Е. Личко позволили выявить актуальное прочтение психопатии в среде русскоязычных исследований, работы В.А. Гурьевой и В.Я. Гиндикина оказались особенно

полезны в связи с обоснованием необходимости рассмотрения психопатии в социально-историческом контексте. Однако под психопатиями эти авторы понимают довольно широкий спектр состояний, и их положения не всегда применимы при анализе психопата в узком варианте. Таким образом, поскольку социальная аналитика психопата еще далека от образования единого концептуального поля, в работе содержится попытка проанализировать некоторые социальные аспекты существования психопатической личности.

2) Указать объемные работы, целиком посвященные исследованию психопатических литературных персонажей, не представляется возможным. Дискретные указания на героев-психопатов иногда встречаются в исследованиях самой психопатии, напр., у Р. Д. Хаэра или К. Даттона (Ганнибал Лектер, леди Макбет, Рода из «Дурного семени» У. Марча), но упоминаются лишь вскользь. По данному вопросу удалось обнаружить лишь небольшое число статей. Так, на русском языке к этой теме обращались Т. Литвинцева, Г. Бедненко, Н.А. Благовещенский. Общая черта их текстов – обращение к литературным героям-психопатам как к иллюстрации разговора о самом феномене психопатии. Т. Литвинцева в основном исследует опасность встречи с психопатом в жизни и рабочем коллективе, ссылаясь на фигуру Миледи из романа Дюма «Три мушкетера», Г. Бедненко также использует литературных персонажей для анализа психопатии, рассматривая последнюю, например, через образ Серого волка из «Красной шапочки». Н. Благовещенский указывает, что поставить диагноз литературному персонажу не представляется возможным, любая отсылка к психопатии в данном случае носит условный характер. То же касается англоязычных текстов. Небольшой обзор литературных персонажей психопатического склада содержится в статье Б. Пеховского-Йозвяка и Ж. Богуславского (Барабас из «Мальтийского еврея» К. Марлоу, Шейлок из «Венецианского купца» У. Шекспира, Раскольников, Ганнибал Лектер и Буффало Бил из «Молчанья Ягнят» Т. Харриса), образы нескольких женщин-психопаток (Афродита, Медея, Гера; маркиза де Мертей («Опасные связи»), Веда («Милдред Пирс»), Эрика Кохут («Пианистка»)) рассмотрены Э. Форузан

и Д. Куком, К. Логан. Последняя ставит задачу обосновать, в чем состоит психопатия рассматриваемых персонажей и какова особенность ее «женского» проявления. В целом, поскольку черты психопатии возможно приписать героиням, которые демонстрируют разного рода «плохое» поведение (мачехам, стервам, роковым женщинам и т.п.) – уместно выделить книгу С. Агияр, которая обращается к анализу вышеуказанных негативных женских образов в литературе, однако последовательного раскрытия концепта психопатии в данной работе нет. Косвенным образом психопатические черты можно вычленять в исследованиях, посвященных серийным убийцам, т.к. последние могут рассматриваться как гротескный вариант антиобщественного поведения, что встречается у К. Халтуннен, Ф.Л. Симпсона (напр., персонажи из «Молчанья ягнят» и «Красного дракона» Т. Харриса, «Американский психопат». Б.И. Эллиса и др.), что касается и исследований, посвященных яркому литературному психопату – доктору Лектеру, который интересует авторов сам по себе, вне аналогичных психопатических образов.

3) В работе осуществляется анализ философской рефлексии второй пол. XX века в связи с феноменом психопатии. Так как признанные философские авторитеты, напрямую обращавшиеся к этому феномену, отсутствуют, психопатический дискурс исследуется опосредованно – через обращение к ключевым, по мнению автора, идеям данного культурного периода, так или иначе связанным с психопатической проблематикой. Таковыми являются: исследования, посвященные проблеме человеческой деструктивности (З. Фрейд, К. Лоренц, Д. Моррис, Б.Ф. Скиннер, Ж. Батай, Ж. Делез, М. Фуко, Ж. Бодрийяр и др.); работы, устанавливающие связь индивидуальной деструкции со сферой власти (и государством как ее главным институтом) как наиболее влиятельной областью, порождающей насилие (что встречается, например, в трудах Л. Альтюссера, С. Жижека, Т. Адорно и М. Хоркхаймера, Г. Маркузе, Э. Гидденса, М. Фуко, П. Бурдьё, Ж. Бодрийяра, П. Слотердайка, К.Г. Юнга и др.); в связи как с биологической, так и социальной детерминацией уместно обратиться и к теме смерти субъекта, в рамках которой получил развитие дискурс, релевантный

проблематике психопатии (работы З. Фрейда, М. Фуко, Ж. Дерририда, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, Ж. Лакана, А. Кожева, Е.В. Косиловой, Д.Э. Гаспарян и др.); через обращение к типу массовой культуры, оформившей и легализовавшей новый тип человека – безответственного, нетворческого потребителя, в своих установках во многом повторяющего психопатическую стратегию действий (Х. Ортега-и-Гассет, М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Ж. Бодрийяр, У. Эко, С. Жижек, А.В. Костина, К.А. Тарасов, Т.А. Хагуров и др.).

4) Относительно представленности психопатии в современной культуре можно отметить лишь небольшие по объему работы, которые исследуют конкретные проявления и действия психопатических фигур в разных культурных областях (сериалах, СМИ, политике) и являются очень немногочисленными.

Исследования, в которых прежде всего затрагивается связь психопатии и массовой культуры, сосредоточены главным образом на фигуре психопата в сериалах. В частности, анализируются критерии диагностики психопатии и варианты психопатических проявлений в связи с вопросом о достоверности изображения кинопсихопатов, что встречается, напр., у С. Лейштедт, Дж. и П. Линковски, Дж. и Г. Габбарт, Д.Д. Хэнлон; выборку женских психопатических персонажей предлагают К. Черни, С.Х. Фридман и Д. Смит. В данных работах авторы затрагивают и аспекты эволюции рассматриваемых персонажей, но подробный анализ отсутствует. Рассмотрение психопатии в кино связано также с попыткой понять, возможно ли использовать эти произведения для прямого получения знаний о психопатии и соответствующего обучения студентов (работы М. Гессе, С. Шлиеве, М. Гессе и Р.Р. Томсена), в которых авторы демонстрируют утрированное изображение психопатической личности, не раскрывающее, по их мнению, ряд важных для понимания феномена факторов (взаимодействие психопата с окружающими, возможные эмоциональные проблемы). Примечательна работа С.О. Лилиенфельда, И.Д. Вальдмана, К. Лэндфилд и др., предлагающих идею «темной триады» личности (нарциссизм, психопатия и коварство), на основе которой в ключе, связанном с психопатией,

анализируется ряд популярных персонажей массового кино (доктор Хаус, Бэтмен, Джеймс Бонд).

Так как психопат – чрезвычайно яркий персонаж с неиссякаемым потенциалом для использования в СМИ, необходимо выделить исследования, фиксирующие роль медиа (в первую очередь, средств массовой информации) в эксплуатации и распространении данного образа: работы М. Кеслера, Э. ДеМаттео, Д.В. Джонса, К. Астнер, где также рассматривается влияние СМИ на различные сферы (включая право и медицину), затрагивающие вопросы осмысления психопатии. На вопросе о том, насколько распространяемый в медиа психопатический дискурс способен влиять на реципиента и формировать его поведение, сосредоточены работы Р. Риваденейра и М. Лебо, Б. Крахе, Р. Бушинг, И. Моллер, К. Сэлмон, С.М. Койн и Дж. Арчер. При этом проблема романтизации и оправдания психопатических злодейских образов, которые могут привлекать зрителей, так что последние начинают разделять их установки, отмечается у М. Кеслера, Э. ДеМаттео, С.М. Койн, Д.А. Нельсон и др.

Для установления дополнительных аспектов современной культурной представленности психопатии можно отметить постулат о связи поведения, соответствующего психопатической модели, с благоприятствующей ему современной городской средой, что нашло отражение в популярной культуре (на это указывают исследования Н. Маккоу, Ф. Коукулика). Отдельно стоит выделить сопоставление внимания к убийцам в связи с культурными практиками у Д. Шмида, а также книгу Дж. Кука, обращающегося к межкультурным различиям в частоте проявления и восприятию психопатии. Кажется важным, что эта работа подчеркивает необходимость рассмотрения психопатии в пространстве конкретной культуры, однако акцент в ней делается на сопоставлении психопатических личностей в американском и европейском мире, а также на возможных методах подобных исследований, не подразумевая создания галереи психопатических персонажей.

В общих чертах представленность и роль в современном мире тем и явлений, связанных с психопатией и насилием, присутствует в работах С.

Пинкера в рамках развиваемой им идеи о снижении насилия, при раскрытии которой Пинкер обращается к насильственным проявлениям в культуре XX в., что полезно для понимания рассматриваемой темы. Рост психопатических проявлений отмечают Р.Д. Хаэр, Ф. Коукулик, К. Даттон, обращая внимание на ее связь с насильственной природой видеоигр, шоу-бизнесом, политикой и т.п. Исследование связи психопатии с лидерством у Р.Д. Хаэра, П. Бабьяка и политикой представляется важным, т.к. может быть связано с формированием соответствующих ролевых моделей, что также попало в фокус внимания С.О. Лилиенфельда, И.Д. Уолдмана, К. Лэндфилд, А.Л. Уоттс, и, например, С. Робенцера, Т. Дж. Фашингбауэра, Д.С. Онес.

Таким образом, рассмотрение психопатии в современной культуре предполагает обращения к исследованиям, в которых анализируются разные аспекты психопатической личности. Что же касается основного концептуального содержания данного раздела – рассмотрения психопатии как особого содержательного феномена современной культуры, в ее рамках меняющего свое традиционное прочтение – в вышеперечисленных работах данная тема не поднимается и практически не развивается (упоминания фрагментарны), и в целом, работы, фиксирующие данную проблематику, неизвестны.

Цели и задачи исследования

Цель – рассмотрение представленности психопатического типа личности в литературно-философской рефлексии второй половины XX в. и выявление специфики ее трактовки в данном периоде на основе литературного и философского материала.

Задачи исследования:

1) Выявить актуальное содержание феномена психопатии, сравнив отечественный и западноевропейский подходы к ее трактовке, а также через обращение к современным научным открытиям, что позволяет обозначить развитие психопатической модели действий как нового феномена культуры;

2) Проанализировать тип литературного персонажа, соответствующий модели психопатической личности, в истории литературно-художественной рефлексии: рассмотреть вопрос, могут ли такие персонажи считаться константой литературного изображения; проследить их роль в произведениях разных исторических периодов и установить, как меняется в каждом из них репрезентация феномена психопатии;

3) Рассмотреть магистральные идеи философии второй пол. XX в. в связи с проблемой психопатии: установить, как разрабатываемые концепты связаны с психопатической моделью действий, выявить причины и особенности обращения философии к проблематике, которая может быть рассмотрена как актуализирующая психопатические проявления;

4) Проанализировать фигуры персонажей психопатического склада в литературе второй половины XX века (выдвигается гипотеза, что именно в этот период изображение психопатического персонажа кристаллизуется и наделяется особым смыслом): обозначить их специфику в сравнении с вариантами прошлого; установить, в ответ на какие вызовы формируется такой образ, как он коррелирует с проблематикой, разрабатываемой в философии того же историко-культурного периода;

5) Выявить, в каких аспектах современная культура воспроизводит психопатическую стратегию; определить, возможно ли рассматривать связь массовой культуры и психопатии как характерное свойство времени, порождающее новый взгляд на феномен психопатии;

6) Выявить новый вариант прочтения человеческой деструктивности и возможной трансформации антропологической модели с учетом феномена психопатии на основе того, что последний является точкой соединения биологического и социального векторов в рассмотрении личности, а также соответствует ряду требований современного мира (заостряя вопросы технологического улучшения, биологического детерминизма, социально-экономического развития).

Объект исследования

Объект исследования - феномен психопатии в нескольких аспектах его репрезентации:

- 1) в связи с литературным творчеством, анализ которого выявляет устойчивое наличие образов персонажей психопатического склада;
- 2) в связи с философской рефлексией второй пол. XX в. (и более ранними работами, повлиявшими на представителей периода), обосновавшей особые смысловые коннотации психопатического стиля поведения;
- 3) как репрезентирующая психопатическую стратегию рассматривается культура XX–XXI вв. в ряде установок: мировоззрения, этики, научных открытий и разработок, и, главным образом, искусства.

Преимущественным предметом исследования выступают:

- 1) конкретные образы личностей психопатического склада в произведениях классической и постмодернистской литературы;
- 2) ряд философских идей XX в., в которых разрабатываются вопросы человеческой деструктивности, связи насилия с институтами власти, проблема субъекта и феномен массового искусства и др., в своем содержании демонстрирующих, по мнению автора, отсылку к проблематике психопатии;
- 3) современные социокультурные реалии, связанные, по мнению автора, с психопатической стратегией (романтизация психопатического персонажа в кинематографе, установки в области морали и общественного поведения, вопросы экономического развития, внедрение медицинско-технологических разработок, дискуссии о будущем человеческого существа и др.).

Научная новизна исследования состоит:

- 1) в системном рассмотрении исторических этапов развития концепта психопатии в рамках отечественного и западного научных подходов, в подробном анализе современного содержания психопатического типа личности и введении последнего в поле анализа теории и философии культуры как особого содержательного феномена;

2) в выявлении психопатии как модуса человеческой деструктивности - т.е. рассмотрении психопатической личности как особой фигуры в рамках анализа разрушительного поведения человека;

3) в рассмотрении литературных произведений в связи с репрезентацией ими психопатического типа личности и установлении его роли в пространстве смыслового содержания произведения;

4) в подробном анализе постмодернистской литературно-философской рефлексии в связи с феноменом психопатии;

5) в установлении особенности репрезентаций и роли психопатии в современной культуре.

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования

Теоретическая значимость исследования обусловлена его новизной. Сегодня в гуманитарной области не существует серьезных работ, направленных на осмысление психопатии, между тем для естественных наук это предмет активного изучения - считается, что понимание психопатических личностей способствует расширению знания о человеческом существе, его эволюции. Гуманитарные науки могут в рамках своей области внести вклад в развитие знаний о психопатии: чрез исторический, философский, культурный анализ расширяя понимание данного феномена и осуществляя его концептуализацию. Конкретная область духовной жизни – литература – ранее в связи с явлением психопатии не рассматривалась, в то время как обращение к образности психопатических персонажей позволяет дополнить научно-философские исследования человеческой деструктивности данными культурологического рассмотрения. Доступные сегодня знания об особенностях психопатической личности, в свою очередь, позволяют по-новому взглянуть на образы литературных персонажей, обогащая возможности трактовки произведений художественной литературы.

Исходя из вышеуказанного, практическая значимость работы связана с попыткой внести вклад в понимание данного феномена; результаты работы могут быть использованы при чтении лекций, ведении семинаров по

культурологии и другим гуманитарным дисциплинам, составлении методических пособий по истории литературы и философии второй половины XX века. Актуальность явления и междисциплинарная проблематика исследования делает возможным его использование и за пределами университетских программ – в современных футурологических, социальных, этических, культурологических и иных дискуссиях.

Методологическая основа исследования

Обращение к заявленной теме требует междисциплинарного подхода, который является важной методологической установкой работы: рассматриваются данные из области естественных наук, литературоведения, истории философии, современной философии и иных социальных наук, привлекаются литературные произведения, кинематограф.

В основе методологии лежит идеографический подход, предполагающий выявление и описание индивидуальных, отличительных свойств психопатических литературных персонажей разных исторических периодов и связанных с ними мировоззренческих стратегий. В связи с этим используется компаративистский анализ, в рамках которого сопоставляются как конкретные персонажи, так и сами дискурсы, задевающие психопатию, на основе чего предлагается модель эволюции психопатических образов и отношения к психопатии в социуме. Конкретизация философского осмысления психопатии в XX веке была бы невозможна без историко-философского анализа, а также критического анализа источников, предполагающего объективное рассмотрение психопатической проблематики и выявление доказательной и рациональной базы концепта психопатии и отношения к нему в рамках широкого круга дисциплин.

Положения, выносимые на защиту

1) Литература как одна из форм культуры опережает открытия философии и науки: еще до того, как их представители обратили внимание на наличие в обществе психопатов, последние были устойчивым объектом литературной

рефлексии, которая, помещая этих героев в конкретные общественные реалии, первой обратилась к особенностям и детерминантам психопатического поведения

2) Точность и смысловое содержание изображения личностей психопатического склада в литературе эволюционировало. На протяжении долгого времени психопатия выступала как пример наказуемого и социально неприемлемого поведения, но со второй половины XX века стала исследоваться как реальный социальный феномен и наделяться особым, зачастую позитивным, символическим содержанием

3) Психопатические образы в литературе не только репрезентируют особый человеческий тип, характер как таковой, но тесно связаны с порождающими его культурными и социальными реалиями. Поэтому рассмотрение психопатии в произведениях конкретной эпохи выполняет двоякую функцию: с одной стороны, оно способствует пониманию того, как психопаты представлены в разных обществах и какую роль играют в каждом из них, с другой – помогает понять специфику самого общественного устройства: его мировоззрение и проблемы, которые не всегда могут быть выявлены без особой «лакмусовой бумажки», в качестве которой может выступить психопатия.

4) Интерес к человеческой деструктивности как к особому явлению не был характерен для классической философии и стал развиваться лишь во второй половине XX века, когда философы прицельно обратились к вопросу о склонности людей к насилию и жестокости, что косвенно повлияло и на развитие осмысления психопатии. При этом последняя не стала отдельным объектом постмодернистской рефлексии, несмотря на интерес представителей этого направления к психологии и психиатрии. Возможно, явление психопатии оказалось слишком специализированным: философы стремились найти такое прочтение человеческой разрушительности, которое бы дало общее обоснование факта «злой» природы человека, поэтому характерное для психопатии

антисоциальное и насильственное поведение рассматривалось косвенно – путем помещения его в широкие рамки девиантности и проблемы человеческого зла.

5) Образ психопата в литературе постмодернизма становится отражением философских установок направления: с одной стороны, помещение постмодернистами агрессивности и стремления к разрушительности внутрь человеческого существа легализует психопатическую стратегию; в то же время противоположный процесс – отказ человеку в субъектности и осознание его как продукта внешних влияний – может предписывать ему психопатические проявления извне. Психопатия в этих условиях становится своеобразным способом конструирования литературным персонажем своей субъектности.

6) Несмотря на обращение и философии, и литературы постмодернизма к теме человеческой разрушительности, их сопоставление позволяет выявить параллелизм философских и литературных идей. Если философия постмодерна придает психопатической деструктивности глубокое символическое содержание, связанное с прорывом к истинной природе человека, то произведения литературы помещают эти идеи в реальный мир и показывают варианты их дальнейшего функционирования, проблематизируя философские постулаты.

7) Современная массовая культура не только не демонстрирует отказ от психопатических образов, но, напротив, активно использует последние, в силу чего меняется как теоретическое, так и практическое, повседневное и мировоззренческое отношение к феномену психопатии, который приобретает романтические идеализированные коннотации; психопат может быть интеллектуалом, и, несмотря на конфликт с условностями, остается хорошим и привлекательным человеком.

8) Открытия естественных наук позволяют перевести на новый уровень осмысления вопрос о свободе воли, о том, насколько человек является самостоятельным существом. В связи с этим психопатия, генетически предопределяющая склонность к определенному набору действий и

мировоззренческих установок, в силу самой своей специфики особым образом проблематизирует соотношение природного и социального в человеке.

9) Возможный закат либеральной идеологии и отказ современного философского дискурса от тезиса о человеческой исключительности, связанный с социокультурными и технологическими изменениями, в совокупности с растущими возможностями манипуляций человеческой биологией способствуют формированию нового отношения к человеку. Искусственное конструирование и улучшение отдельных свойств человека движется в сторону воссоздания и гипертрофии традиционно психопатических черт (повышение выносливости, сосредоточенности, умение управлять своими чувствами, быстротой реакции, подавление ряда проявлений нервной деятельности, снижающих поведенческую эффективность и др.). Поэтому психопатия может рассматриваться как мини-модель грядущего общества, в этом случае ее анализ предполагает попытку понять проблемы современных тенденций и возможные свойства той модели мира, к которой они ведут.

Степень достоверности и апробация работы

Степень достоверности результатов исследования определяется опорой на широкий и разнообразный круг источников, включающий научные работы ведущих специалистов в области естественных наук, литературоведов, философов и разнообразную литературу, связанную с темой диссертации. Указанная методология исследования также предполагает всесторонний и подробный анализ предмета. Работа прошла обсуждение на заседании кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и была рекомендована к защите; обоснованные в ней положения были приняты к публикации в ряде авторитетных философских изданий.

Результаты исследования прошли апробацию на следующих конференциях: XXV Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2018» (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, 9-13 апреля 2018 г.), VI Международная конференция «Мир комиксов» (НИУ ВШЭ, Институт классического Востока и

античности, Москва, Россия, 19–20 марта 2021 г.), а также в рамках выступления соискателя в Центре содействия образованию и развитию гуманитарных и социальных наук «Сигнум» 11 мая 2021 г.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, четырёх глав, каждая из которых разделена на параграфы и подпараграфы, заключения и библиографии, насчитывающей 378 наименования. Объем работы–245 стр.

2. Основное содержание работы

Во введении феномен психопатии соотносится с проблемой зла в человеке, обозначается ряд аспектов, связанных с репрезентацией злого поведения в истории философской мысли. Одновременно обозначается проблема психопатии как крайней формы антисоциального поведения: указываются варианты ее осмысления в истории философии; раскрывается поворот, произошедший в XX веке, связанный с переориентацией на изучение индивидуального поведения и предполагающий ответственность личности за деструктивные проявления, поиски конкретных механизмов, блокирующих рациональный «правильный» выбор. Далее обосновываются актуальность и новизна исследования, степень разработанности темы в зарубежной и российской философии, указывается методологическая основа исследования. Описываются объект и предмет, степень достоверности работы, выдвигаются положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «Феномен психопатии в системе естественных наук»

посвящена рассмотрению явления психопатии, раскрытию его истории, естественнонаучных и социальных содержательных аспектов.

В параграфе 1.1 **«Изменения в понимании человека под влиянием естественнонаучной парадигмы»** рассматриваются исторические трансформации понимания человеческой природы в философском и общекультурном поле. Фиксируется утрата традиционного представления о человеческой исключительности под влиянием научных открытий. Рассматривается вопрос о биологической, социальной и культурной детерминации личности, соотношение которых порождает необходимость выработать новый подход к восприятию «человеческого».

В параграфе 1.2 **«Психопатия: основные подходы к изучению»** прослеживаются этапы формирования концепта в отечественной и зарубежной науке, раскрывается современное содержание феномена.

Параграф 1.2.1 **«Отечественный подход к пониманию психопатии»** описывает отечественную научную традицию, зародившуюся в контексте

судебной психиатрии в середине XIX в. и прослеживаемую в работах видных исследователей феномена (С.А. Суханов, О.В. Кербиков, П.А. Бутковский, Е.К. Краснушкин, П.Б. Ганнушкин и др.). Под психопатией ими понимается сумма патологий, пограничные состояния, которые идентифицируются как занимающие промежуточное положение между психозами и нормальным функционированием психики. Приводятся отличия такого понимания психопатии от ряда смежных состояний. Делается вывод, что использование понятия «психопатия» как обобщающего для гетерогенной группы аномалий личности хоть и соответствует сложности темы, но подразумевает слишком широкий охват самых разных состояний, затрудняющий развитие концепта.

Параграф **1.2.2 «Психопатия как предмет изучения западноевропейской науки»** описывает зарубежную научную традицию исследования феномена (Ф. Пинель, Б. Раш, Дж.К. Причард, Д.К. Тьюк, Г. Модсли, Л. Кох, Э. Крепелин, К. Шнайдер, К. Бирнбаум, Дж. Партридж и др.), для которой актуален вопрос о возможности этических оценок при рассмотрении психопатической личности, и где к середине XX века было сформировано современное понимание психопатии (Х. Клекли, Р.Д. Хаэр) как конкретного личностного типа с антисоциальным поведением (отсутствием эмпатии, эгоизмом и равнодушием к наказанию), детерминированным нейробиологией психопатов.

Параграф **1.2.3 «Современный взгляд на психопатию и ее биологическое обоснование»** дает развернутое научное современное определение психопатической личности с опорой на теорию Р.Д. Хаэра. Психопатия рассматривается с точки зрения нейрофизиологии, социобиологии и эволюционной психологии. Приводится обзор научных открытий, выявляющих связь между устройством мозга и поведением психопата. Раскрывается проблема взаимодействия биологических и социальных факторов при психопатии; в периоды социальных катаклизмов выявляется увеличение числа психопатов и соответствующих поведенческих стратегий, в связи с чем рассматривается специфика XX века.

Глава 2 «Психопатия в зеркале литературы: исторический аспект»

посвящена рассмотрению явления психопатии в художественной литературе.

В параграфе **2.1 «Литература как источник психологического знания»** рассматривается взаимоотношение психологии и литературы, вопрос о степени достоверности передачи литературой психологических состояний, способы воссоздания писателем внутреннего мира героя (на основе «Эстетики словесного творчества» М. Бахтина). С опорой на представителей психологической науки (З. Фрейд, К. Леонгард, Э. Фромм, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Б.М. Теплов и др.) делается вывод, что погружение в литературные миры способствует обретению конкретных психологических знаний и развитию профессиональных компетенций ученого, отмечается прогностический потенциал художественной литературы, образы которой обобщают проявления человеческой индивидуальности, в связи с чем закономерна связь некоторых из них с психопатией.

В параграфе **2.2 «Феномен психопатии в истории литературной рефлексии»** представлена репрезентативная выборка наиболее известных и ярких персонажей, которые ранее не рассматривались в связи с концептом психопатии, при этом не ставится задача классифицировать всех возможных героев мировой литературы психопатического склада. Учитывая последовательное развитие литературного психологизма, раскрывается историко-литературная динамика образа психопатической личности в нескольких подпараграфах:

2.2.1 «Сложение образов героев психопатического склада в западноевропейской литературе: от Античности к Новому времени». В ранней литературной традиции психологические состояния не получают прицельного внимания, психопатический герой определяется лишь по внешним проявлениям, является символом порока и неприемлемого поведения (миф о Тантале, «Роман о Розе» Г. де Мена). В ренессансной литературе с ее антиклерикальной направленностью предпринимаются поиски лжецов и притворщиков, психопаты обнаруживаются среди лиц духовного сословия (напр., Кармелит у Дж. Чосера). В Новое время психологическая проработка образов становится плодом сознательных усилий автора, отражаются

особенности переходного характера эпохи. Показательно творчество У. Шекспира, злодейские образы которого отсылают к феномену психопатии («Ричард III»), Яго («Отелло»), сын графа Глостера Эдмунд («Король Лир»), старшие дочери короля Лира Регана и Гонерилья). Подробно анализируется в психопатическом ключе фигура Яго, через систему ценностей и действий которого Шекспир исследует проблемы времени и особенности порожденного им человека: культурную ситуацию, когда зло выходит за пределы конкретного характера, становясь образом кризиса эпохи. В литературе XVI–XVII вв. складываются жанры, где личность психопатического склада выступает протагонистом (напр., злодейские драмы Кальдерона («Чистилище Святого Патрика»), злодей здесь изображается по контрасту с нравственным, добропорядочным героем. Испанский плутовской роман целиком посвящен образу негодяя, демонстрирующего набор психопатических черт (Ф. де Кеведо «История жизни пройдохи по имени дон Паблос»), но, т.к. повествование сводится к описанию внешней стороны жизни героя, психопата в нем четко идентифицировать затруднительно, что усложняется назидательными целями жанра. Поэтика классицизма нацелена на воспроизведение типичных характеров, от авторов требуются последовательные усилия по психологическому обобщению. У Корнеля и Расина человек психопатического склада предстает в образах исторических злодеев («Родогуна»; «Британик»). В наследии Ж.-Б. Мольера рассматривается пьеса «Тартюф, или Обманщик», где психопат – тип социально-обобщенный (критика современного автору духовенства и дворянства). Аналогичный портрет набожного лицемера представлен в русской литературе – персонаже Иудушки Головлева М.Е. Салтыкова-Щедрина («Господа Головлевы»).

2.2.2 «Литература XVIII века и феномен либертинажа. Творчество маркиза де Сада». Литература XVIII в. создает многообразную серию портретов интриганов и авантюристов (Моль Флендерс, Жиль Блаз, Манон Леско и др.). Кристаллизуется социальный тип, сопряженный с картиной предельной распущенности нравов, в лице которого писатели получают возможность упражняться в искусстве создания портрета

психопатической личности. Возникает образ дворянина-вольнодумца, противопоставляющего эмансипированный образ жизни традиционным порядкам, маскирующим невежество и ханжество. Таковы виконт де Вальмон и маркиза де Мертей (Ш. де Лакло «Опасные связи»), психопатические качества которых воспроизведены довольно точно. На основе подобных персонажей оттачиваются навыки нравоописания, авторы ищут пути их социально-нравственного преобразования. Особо рассматривается творчество маркиза де Сада. Его своеобразная философия использует инструментарий Просвещения – рационализм – для обоснования психопатической стратегии (воплощенной в фигуре либертена), которая посредством предельной деструкции способствует освобождению человека от сдерживающих элементов культуры, дает возможность свободно следовать неким темным – глубинным, заложенным в основе его существа – склонностям.

2.2.3 «Тема двойничества в романтизме и литературе XIX века. Проблема “чистого зла”». Показано, что романтики, признавая наличие темной стороны души, постулировали возможность обретения ею самостоятельного воплощения, с чем связан мотив романтического двойничества. Предполагается, что этот образ является итогом художественного обобщения и «сгущения» качеств, присущих психопатам. Теневые двойники аморальны, разнузданы, успешны в своей преступной деятельности, не вызывающей у них, в отличие от главного персонажа, угрызений совести (двойничество встречается у А. Шамиссо, Э.Т.А. Гофмана, Э.А. По; Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и др.). Но явное изображение психопатической деструктивности как человеческого свойства еще невозможно – видимо, как в силу неформальности концепта в науке, так и из-за склонности к нравоописанию, трактовавшему психопатические черты как пороки. С большой долей достоверности двойники идентифицируются как психопаты в дальнейшем: таков мистер Хайд из повести Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»; у О. Уайлда в «Портрете Дориана Грея» моральная часть героя фиксируется на картине и парализуется, оболочка же Дориана Грея, человека без совести, наделяется психопатическими свойствами и

действует соответственно. **2.2.4 «Психопатия в фокусе критического реализма».** Внимание писателей-реалистов переносится на процесс становления личности, сложность человеческого характера раскрывается с различных сторон, ширится идейно-нравственная проблематика. Образы психопатов в литературе XIX в. точны, являются прекрасной характерологической моделью (Вотрен в «Отце Горио» де Бальзака, Миледи в «Трех мушкетерах» А. Дюма, Р. Шарп в «Ярмарке тщеславия» У. Теккерея, Жорж Дюруа в романе «Милый друг» Г. де Мопассана, Катерина Ивановна в повести Н. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» и др.). Сообразно требованиям реализма характер такой личности раскрывается во взаимодействии с ее окружением: описываются воздействие, оказываемые психопатом на других, что позволяет не только создать конфликт, но и глубже раскрыть характеры персонажей иного психологического склада, вступающих в активное взаимодействие с психопатом. **2.2.4 «Психопатия в образной системе литературы модернизма».** В XX в. развивается интерес литературы к девиациям, эстетизация которых призвана изменить отношение к понятию нормальности, критикуется установка на подражание исключительно прекрасному, зло становится категорией эстетики (А. Бретон, Ш. Бодлер). В рамках литературы «потока сознания» техника запечатления внутренней речи персонажа достигает вершин, и психопатический герой впервые открывает свои мысли читателю, производя обманчивое впечатление нормальности и расширяя восприятие реальности как многогранной и субъективной («Звук и ярость» У. Фолкнера). **2.2.5 «Психопатия и антиномичность души: образ Раскольникова и его переосмысление в русской литературе XX века».** Тема антиномичности личности в связи с психопатией (Г. Мелвилл «Билли Бад») присутствует и в русской литературе, где зло выступает как неотъемлемая часть души, обуславливает свободу и является болезненным опытом преобразования: Ф.М. Достоевский через образы деструктивного поведения ставится вопрос, все ли дозволено, на который дается отрицательный ответ. Однако XX в. знаменуется сломом миропорядка и рождением новой личности, которая постепенно утверждает неприемлемые ранее психопатические черты. Данная

эволюция рассматривается на примере произведений И.А. Бунина («Веселый двор», «Игнат», «Ермил», «Петлистые уши»). В главном герое последнего – Адаме Соколовиче – традиционно усматривается аллюзия на Раскольникова, порывающего с традиционными ценностями и покаянием, выводящего свою откровенно психопатическую теорию уже не на фантастический, но на реальный уровень). **2.2.6 «Психопатия в притчевом жанре литературы XX века».** В масштабе событий первой половины века писатели рассматривают проблему зла как одну из основных, в их изображении оно становится масштабнее. Поднимается тема библейских пороков человека как невидимых, но разрушающих явлений. Особое внимание привлекает жанр притчи, заключающей в себе сценарии развития человечества в его культурно-исторической парадигме и наделяющей психопатические черты вневременным содержанием («К востоку от Эдема» Дж. Стейнбека; «Повелитель мух» У. Голдинга).

Глава 3 «Феномен психопатии в литературно-философской рефлексии второй половины XX века». Установкой исследования является рассмотрение литературных произведений как полноценных художественных высказываний, транслирующих оригинальные смыслы. Литературное творчество является основным транслятором идей постмодернизма, в котором литературная и философская рефлексия сливаются (И. Хассан, П. Андресон, Ю. Хабермас), в связи с чем феномен психопатии исследуется через обращение к произведениям литературы и философии, единство которых позволяет рассмотреть его наиболее полно.

Параграф 3.1 «Психопатический склад личности и тема человеческой деструктивности» раскрыт в подпараграфах:

3.1.1 «Агрессия как форма человеческого поведения: классическая VS постмодернистская интерпретации». Показано, что философская мысль XX в. выделяет деструктивные стремления как неотъемлемую часть человека (З. Фрейд, К. Лоренц, Ж. Батай, Г. Маркузе, Э. Фромм, Э. Дюркгейм, Р. Мертон и др.), прорываясь вовне, они влияют на все функционирование социума. Наряду

с восприятием деструкции в негативном ключе (З. Фрейд, Э. Фромм, В. Франкл), во второй пол. XX в. формируется ее позитивная трактовка – философы вкладывают в тему человеческой деструктивности особое символическое содержание, трактуя ее как антропологическую истину и способ прорваться к истинной человеческой природе, разного рода разрушительные действия становятся способом выхода за навязанные культурными запретами границы и вариантом самостановления (Ж. Лакан, Ж. Батай, Ж. Делез, Р. Жирар, Ж. Бодрийяр и др.). В подпараграфе **3.1.2 «Садизм и трансгрессия: переосмысление феномена»** рассматривается роль разума в реализации деструктивного поведения. Отмечается значение де Сада, который довел идею рациональности до полной трансформации в деструктивном ключе, приведя в литературу героя психопатического типа. Рассматривается обращение к наследию Сада философами периода, выявляется трактовка садизма как трансгрессивной практики. В подпараграфе **3.1.3 «Садовый человек в «Американском психопате» Б.И. Эллиса»** рассматривается возникновение «садового человека» в контексте общества потребления, где герой прибегает к форме радикального насильственного бунта, чтобы освободиться от подавляющего влияния окружающего. Точкой воплощения деструктивности становится фантазм, куда стягиваются ее желанные, но нереализуемые импульсы, а в качестве возможного способа ее реализации вводится психопатия в форме садизма. Показывается связь между психопатией и садизмом на базе естественнонаучных исследований, раскрываются особенности психопатического фантазирования. Делается вывод, что в описанных условиях психопатия выступает как форма становления и адаптации человека к действительности, не удовлетворяющей индивида.

Параграф 3.2 «Психопатия и давление на личность извне» раскрыт в подпараграфах:

3.2.1 «Политическая власть как детерминанта субъективного насилия». Философия устанавливает связь между деструктивным состоянием индивидуального сознания и репрессивным воздействием внешних условий

Властные институты, функцией которых является сдерживание присущего людям стремления к разрушительности, сами становятся проводниками последней, легитимируя в разных областях жизни контексты, задействующие применение силы, культ агрессии, что образует идеологический базис общества. При интериоризации человеком внешнего насилия ценности и поступки индивида могут трактоваться как порождение общественного устройства, сформированного политическими институтами. В подпараграфе **3.2.2 «"Заводной апельсин" Э. Берджесса: психопатия и интериоризация внешнего насилия»** рассматривается образ психопатического героя (Алекса), который демонстрирует насилие, которое разворачивается на фоне системного насилия и конгруэнтно обществу, в котором действует персонаж. Многочисленные теории насилия (Л. Альтюссер, С. Жижек, Т. Адорно и М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, М. Фуко, П. Бурдьё, Ж. Бодрийяр, П. Слотердаик, К.Г. Юнг и др.) связывают его с государством и навязанной им идеологией, что отсылает к вопросу о возможности оппозиции в данную эпоху, общий вывод в решении которого – пространство активной борьбы против системы «стало территорией официальной идеологии»¹. Показывается, что психопатическая стратегия в таких условиях заимствуется личностью из внешних условий и становится попыткой бунта против них же. **2.3.3 «"Бойцовский клуб" Ч. Паланика: психопатическое бунтарство и феномен отсутствующей власти»**. Через обращение к произведению рассматриваются кризисы, в которых находится мужчина второй пол. XX в.: кризис маскулинности; давление консюмеризма; отсутствие смыслоопределяющих фигур (отца, Бога). Бунтуя против указанных факторов, герои формируют новый по смыслу насильственный акт (сам момент бунта, рассматриваются его психопатические коннотации), но при этом также воспроизводят внешние установки. Двойственность такого положения приводит героя к шизофрении. Указывается место шизофрении в рефлексии постмодерна (Ф. Джеймисон, Ж. Делез, Ф.

¹ Гаспарян Д. Э. Введение в неклассическую философию. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 176.

Гваттари, Ж. Бодрийяр). Разрешением главного противоречия, связанного с шизофренией, становится психопатическое в своей модели самоубийство, которое оказывается способным вернуть персонажу целостность, тем самым психопатия выступает в качестве новой стратегии поведения, сменяя шизофрению в качестве характеристики времени.

Параграф 3.3 «Психопатия в постмодернистском “мотиве конца”» раскрыт в подпараграфах:

3.3.1 «Постмодернизм как ощущение конца. Смерть субъекта». «Ощущение конца», характерное для дискурса постмодерна, воплощается в аннигиляции субъекта как существа, способного на самостоятельное действие и свободный выбор, он начинает мыслиться как центр преобразования возможных детерминаций. Это побуждает говорить не только о самой сущности человека, но и о том, как индивиды переживают утрату своего некогда цельного «я» и особого положения в мироустройстве. **3.3.2 «Тотальность отсутствия Других и разрушительность их признания: ревизия образа гения в “Парфюмере” П. Зюскинда».** Проблема субъекта рассматривается в связи с рядом идей: историчностью субъекта (М. Фуко, Ж. Делез и др.); концептом человеческого желания, порождаемым ощущением радикальной нехватки и состоящем в стремлении к тому, что выходит за пределы наличности, в конечном итоге приходя к желанию Другого; анализируется проблема самополагания Я в связи с Другим (с опорой на Ж. Лакана, С. Жижека). При том, что субъект в философии зачастую рассматривается как противостоящий чему-либо, одним из вариантов самополагания становится антисоциальное поведение как возможность заявить о себе, отрицая окружающую действительность (что раскрывается с опорой на теорию А. Кожева). Психопатический герой рассматриваемого произведения (Гренуй), воплощая распад субъекта по ходу действия инвертируется в него, способность к отрицанию является ключевой характеристикой его психопатической фигуры, вариантом самоопределения. **3.3.3 «Преодоление бессубъектности в “Осиной фабрике” И. Бэнкса».** Единый человек в постмодерне распадается на множество осколков, он (как и литературный герой)

может чувствовать желание собрать воедино фрагменты личности, в которой ему отказано. Психопатическое насилие возникает в связи с необходимостью заполнить пробелы в «когнитивной карте» – ситуации отсутствия четкого осознания себя и понимания происходящего. Психоаналитическая идея бессубъектности предполагает, что на индивида давит бессознательное и внешние правила, что формирует невроз. Способ сохранения целостности – присвоение внешнего как внутреннего: навязанный способ самоидентификации заставляет героя действовать в связи с общественными ожиданиями (мужественность, связанная с насилием), сделать их болезненно-личными установками и убедить самого себя в соответствии предложенным моделям.

Параграф 3.4 «Психопатия и массовая культура» раскрыт в подпараграфах:

3.4.1 «Массовая культура: проблема определения и феномен массового человека». Рассматриваются феномены популярной и массовой культуры: этапы формирования и основные идеи, заключается, что искусство постмодерна элиминируют разрыв между массовым и элитарным. Выделяются черты массовой культуры, раскрывается концепт массового человека. Делается заключение, что «ординарный» человек массового общества (как безответственный нетворческий потребитель, сосредоточенный на личных прихотях) актуализирует типично психопатические установки, постепенно проникающие во все сферы жизни. В рамках массовой литературы создается галерея персонажей, задействующих психопатические стратегии («Ярость» С. Кинг, Р. Бахман, «Способный ученик» и «Мизери» С. Кинг, «Невеста – разбойница», М. Этвуд «Сговор остолопов» Дж. К. Тул, «Приют» П. Макграт, «Незнакомцы в поезде» П. Хайсмит, «Красный дракон» Т. Харрис, «Скандалный дневник», З. Хеллер романы Дж. Томпсон «Убийца внутри меня», Ф. Пуллман «Темные начала», Т. Пратчетт «Санта Хрякус», «Вещие сестрички» и др.). **3.4.2 «“Маленький человек” и психопатия: разрушительность ординарного сознания в “Коллекционере” Дж. Фаулза».** На примере произведения разбирается новое прочтение психопатии: в

пространство культуры входит тип инфантильной психопатичности. При том, что положение главного героя зачастую трактуется в трагичном ключе (как жертвы социального неравенства), психопатия персонажа меняет ракурс его оценки: в силу свойств он упивается своим положением, оправдывая им совершение аморальных поступков. И хотя такой герой по-прежнему деструктивен, психопат больше не выступает как отчаянный борец за свою индивидуальность, а становится метафорическим воплощением разрушительности массового человека. **3.4.3 «Психопат в роли читателя: “Мизери” С. Кинга».** Во второй половине XX века образы насилия в культуре перестали быть только негативными. Однако обращение к реальности психопатии проблематизирует ситуацию, показывая, как «растворенность» в культуре индивидов, девиантность которых трансформируется в общественную установку, легитимизирует диктат примитивных чувств и желаний, уничтожая те сферы прекрасного и высокого, которые такие индивиды неспособны постичь. Данная тема рассматривается на примере фигуры Э. Уилкс, психопатичной героини романа, и отражает идеи диктатуры читателя и смерти автора, артикулированные философами-постмодернистами (Р. Барт, М. Фуко).

Глава 4 «Психопатия в модусе современности» исследует представленность психопатической модели в современном мире. Выдвигается предположение о соответствии ей ряда общественных установок (внешняя демонстративность, быстрый успех и др.), влиянии шоу-бизнеса и делового мира, где преобладают психопатические качества; рассмотрены утилитаризм, способность психопатов противостоять групповому мышлению; приводятся примеры позитивного функционирования психопата. Обращение к кинематографу как одному из наиболее влиятельных сегодня искусств обнаруживает массу психопатических персонажей, а их анализ выявляет ненаблюдаемую ранее романтизацию психопата, его оправдание: такой герой зачастую выступает как протагонист (герои кинокомиксов, мужские персонажи типа Джеймса Бонда, «хорошие психопаты» Декстер Морган, Топ Рипли, Френк Эбигнейл, Грег Хауз, Шерлок Холмс и др.). Исследования зрительского

восприятия фиксируют, что в «хороших» героях зритель обычно не узнает психопата, в итоге не только сопереживая подобным персонажам, но и стремясь к идентификации с ними. Психопат начинает восприниматься как один из вариантов нормы, которому бессмысленно противостоять («Декстер» Дж. Линдси, «Старикам тут не место» К. Маккарти). Раскрывается возможность адаптивного прочтения психопатии, объединяющей биологическую предрасположенность поведения и условия окружающей среды (что особенно важно в связи с темой мегаполисной среды, удобной для функционирования психопатии). Выдвигается гипотеза, что психопатические свойства в точности соответствуют ряду важнейших идеологических установок современного общества, а развитие технологий способствует их воспроизводству (эффективность, подавление сложных психических состояний и др.). Культивирование психопатии, по мнению автора, создает социокультурные условия, меняющие человеческие существа, а феномен психопатии может служить микромоделью будущего состояния общества.

В **Заключении** рассматривается вопрос: почему анализируя агрессивность, деструкцию, садизм ключевые мыслители периода, в поле внимания которых находились вопросы, связанные с психологией или медициной (З. Фрейд, Ж. Батай, М. Фуко, Э. Фромм и др.), не затрагивали напрямую явление психопатии, хотя и обращались к релевантной проблематике. Возможный ответ кроется в специфике психолого-философского дискурса эпохи с его ориентацией на постижение цельности человека в единстве различных психических факторов, а также с его увлечением психоанализом, в связи с чем явление психопатии оказалось слишком специализированным и не было востребовано философией практически до конца столетия. Резюмируется, что, несмотря на отсутствие прицельного внимания со стороны философии, психопатия соответствует ценностям и ориентации постмодерна, именно в его парадигме психопатический «дискурс» выкристаллизовывается, хотя и неявным образом. Создавая сложные мировоззренческие конструкты, философы легитимизовали деструктивный порыв, не обнаружив его силу в реальной

плоскости В силу своих особенностей именно психопат становится героем, являющим ответ на вызовы современности, которую философия связывает с подчинением человека обществу потребления, подменой реальности набором симулякров, стремлением социума к обезличиванию и аннигиляции человека и др. При этом область искусства, в большей степени связанная с чувством, оказалась точнее в своей репрезентации разрушительного поведения: помещение психопатической модели в пространство реальной жизни констатирует ложность философской стратегии самостановления: девиантность разрушает не только мироустройство, но оказывается несостоятельной для самой личности, демонстрация чего обнажает параллелизм философских и литературных идей.

Интерес к деструктивности и ужасу в сочетании с развитием точного психологического описания привели на страницы литературы человеческий тип психопатического склада задолго до его научной концептуализации. Показано, что запрос на демонстрацию в человеке психопатического существует в литературе различных культурно-исторических формаций, каждая из которых использует доступные ей художественные средства, преследует собственные цели и задачи, включая героя психопатического склада в развитие сюжетного конфликта. Однако приходящие ему на смену психопатические образы XXI века теряют данную связь с реальностью и романтизируются.

Делается вывод, что в анализе психопатической личности ярко пересекаются биологическая и социальная проблематика, что может дать новые варианты решения актуальной проблемы «mind-body», а изучение психопатии в контексте культуры – выявить линии идеологической и моральной трансформации общественного сознания.

3. Список публикаций по теме диссертации

Публикации в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова:

I. Публикации в рецензируемых изданиях, индексируемых в международных базах Web of Science, Scopus, RSCI:

1. Кучерова А.В. Литературно-философские интерпретации деструктивности: от феномена маркиза де Сада к «Американскому психопату» Б.И. Эллиса // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2021. № 1. С. 76–91 (RSCI, пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,329).
2. Кучерова А.В. Психопатия в контексте современности: от биосоциальной проблематики к психопатической модели общества // Философия науки и техники. 2021. Т. 26. № 1. С. 144–157 (Scopus, RSCI; CiteScore – 0,3, пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,586).
3. Кучерова А.В. Психопат как новый герой литературы постмодернизма (на примере трансформации образа гения в романе Патрика Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы») // Человек. 2019. Т. 30. № 5. С. 174–189. (Scopus, RSCI; CiteScore – отсутствует, пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,393).

II. Публикации в журналах, включенных в Список рецензируемых научных изданий по философским наукам, утвержденный решением Ученого совета МГУ имени М.В. Ломоносова:

4. Кучерова А.В. Психопатия как модус человеческой деструктивности в литературной и философской рефлексии постмодерна (на примере романов «Заводной апельсин» Э. Берджесса и «Осиная фабрика» И. Бэнкса) // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 4. С. 442–457 (пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,408).

Другие публикации соискателя по теме диссертации:

5. Кучерова А.В., Седых О.М. Психопатия в зеркале литературы: историко-культурные контексты и литературные вариации становления образа героя-психопата // История и теория культуры. Альманах. Т. 3. Москва: Издательство Московского университета, 2021. С. 377–430.